

while the men were employed chiefly in the mines — the Thracians had always been good miners — but also in the fleet. In the 3rd century there were many Thracian slaves in the cities of Central Greece also, as inscriptions from the temple of Delphi and some other temples show. Towards the second half of the 2nd century the number of Thracian slaves tends to diminish. This was when Rome obtained a firm foothold in the western and southern Balkans. From then on the stream of Thracian slaves (obtained either in war or in the course of trade) was diverted to the West to supply the economic needs of Italy. References to the ethnic origins of slaves involved in the revolt of Spartacus (74—71 B. C.) show that at the beginning of the 1st century Thracian slaves played an important part in Italy also.

ПОЛОЖЕНИЕ ЗАВИСИМОГО НАСЕЛЕНИЯ В МАЛОЙ АЗИИ V—IV вв. до н. э.

У ряда античных авторов имеются свидетельства о существовании в доэллинистической Малой Азии зависимого сельского населения, покоренного еще в период переселения племен и колонизации греками малоазиатского побережья. В частности, сюда относятся данные о мариандинах, племенн, на территории которого была основана Гераклея. У Афиней приводятся слова стоика Посидония: «Многие из них, будучи не в состоянии управлять собой вследствие бессилия разума, передают себя в услужение более разумным, чтобы, получая от них постоянную заботу о необходимом, самим, в свою очередь, платить бы им всем тем, чем они способны обслуживать их. И таким образом мариандины подчинились гераклеотам, дав обещание навсегда служить им, доставляя все необходимое, а кроме того, выговорив себе условие, что никто из них не будет продан за пределы территории Гераклеи, но останется на своей земле» (ἐν αὐτῇ μένειν ἰδίᾳ χώρα — Athen., VI, 263c — d). Поэт Эвфорпон и Каллистрат называют мариандинов δωροφόροι (последний добавляет, что это название лишает их горечи называться по имени ойкетов (там же, VI, 263d — e). Каллистрат сравнивает мариандинов с плотами, пенестами и критскими кларотами. О мариандинах пишет и Страбон: «Рассказывают и то, что милетяне, первые основатели Гераклеи, сплосу обратили прежних жителей местности мариандинов в илотов, так что последние были даже продаваемы, впрочем, не за границу; таковы были условия договора» (XII, 3, 4). О зависимости мариандинов упоминает и Платон. Он говорит, что эта форма порабощения вызывает меньше раздоров, чем порабощение плотов (Leg., VI, 776, c 8; ср. Athen., VI, 264d — e).

К спартанской илотии приравнивается и зависимость вифинцев от Византии Athen., VI, 271c — историк Филарх). Филипп из Феангелы, писатель II в. до н. э., говорит о подчинении карийцами лелегов. Он сравнивает их с илотами и пенестами и добавляет, что карийцы пользуются лелегами, как рабами (ойкетами) теперь, как и раньше¹ (Athen., VI, 271b).

На основании этих данных некоторые современные исследователи объединяют малоазиатские зависимые племена в одну социально-правовую группу с плотами². Однако анализ приведенных выше свидетельств и сопоставление их с другими источниками позволяет усомниться в достоверности первых. Прежде всего, все эти писатели (кроме Платона) не были современниками явлений, которые описывали. Зависимость сельского населения от городов в эллинистическо-римскую эпоху совсем не походила

¹ Этническая принадлежность лелегов не вполне ясна. Геродот говорит, что лелеги — древнее название карийцев (I, 171). Страбон же приводит мнение Аристотеля, что лелеги жили в Малой Азии до карийцев и были вытеснены ими (XIV, 2, 27).

² D. L o t z e, Μεταξὺ ἐλευθέρων καὶ δούλων. Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum 4. Jh. v. Chr., B., 1959, стр. 79. Он называет эту группу Kollektivsklaverei.

на спартапскую плотню, да и самого института плотни ко времени Страбона уже не существовало (Strabo, VIII, 5, 4). Ясного представления о древних формах зависимости у них тоже не было. Страбон сравнивает марпандинов с мнонтами — общественными рабами на Крите, а Каллпстрат с кларотами — частновладельческими рабами Крита. Если просмотреть аналогичные свидетельства о положении зависимого населения в других районах Греции, то они оказываются построенными по одному и тому же шаблону. Так, Архиммах (конец III в. до н. э.) пишет о беотийцах: «Те из беотийцев, населявших район Арны, которые не перешли в Беотию, но охотно остались здесь, представили себя в рабство фессалийцам по договору, согласно которому их не вывезут из страны и не станут убивать, а сами они, обрабатывая для фессалийцев землю, будут уплачивать подать» (Athen., VI, 264b). Страбон, который пользовался данными Эфора, говоря о результатах восстания жителей Гелоса, указывает, что захваченные во время войны, они были объявлены рабами на основании точных установлений, а именно: что нельзя владельцам ни освобождать их, ни продавать за пределы страны (VIII, 5, 4). Почти во всех приведенных отрывках мы встречаемся с теорией соглашения между победителями и побежденными (или даже просто между сильными и слабыми), благодаря которому и были определены права и обязанности обеих сторон. Теория общественного договора была разработана софистами. Она появляется в произведении Эфора (IV в.), но особую популярность эта теория должна была получить в эллинистический период, когда отношения зависимости были распространены на большие массы зависимого населения³. Сторонники теории договора представляли покоренное население как людей неполноценных, неспособных к самостоятельному развитию и нуждающихся в постоянном управлении ими со стороны рабовладельцев. Неудивительно, что под положение этой теории (наиболее последовательно проведенной у Писидония) подгонялись факты, разнообразные формы зависимости рассматривались под одним углом зрения. Если отбросить рассуждения о соглашениях, то в рассматриваемых свидетельствах окажутся указания только на то, что в Малой Азии существовали зависимые группы людей, приносящих подать (дары), которые обслуживали своих господ, как плоты — спартиатов.

При сравнении этих данных с отдельными указаниями авторов, не причастных к теории договора, картина получается несколько иная.

Рассмотрим сначала упоминания о марпандинах. Уже приведенное высказывание Платона указывает скорее на различие, а не на сходство с плотами. Термин *δουλεία*, примененный Платоном для характеристики зависимости марпандинов, не свидетельствует еще об их рабском статусе: этот термин, да еще в применении к варварам, имел более широкое значение (недаром подданных персидского царя тоже называли рабами).

В V в. до н. э. марпандины были известным племенем: Эсхил в «Персах» упоминает плач марпандинов (935—940). Геродот называет марпандинов несколько раз: в числе племен, покоренных Крезом (I, 28), затем — в числе племен, входивших в третий податной округ Персидской державы (III, 90) и в персидское войско (VII, 72). Ксенофонт, который сам был в Гераклее, говорит только, что это эллинский город, расположенный в стране марпандинов (Anab. VI, 2, 1). Никаких особенностей, какие, с его точки зрения могли бы заинтересовать читателей, он не сообщает. Точно так же он говорит и о других греческих городах, находившихся среди малоазийских племен: «...Трапезунт — многолюдный эллинский город ... в стране колхов» (IV, 8, 22), «...прибыли в эллинский город Котпору, колонию Синопы, в стране тибаренов» (V, 5, 3). Таким образом, в V в. до н. э. марпандины были особым племенем, они занимали определенную область, как и другие племена, по побережью на северо-западе Малой Азии (колхи, тибарены и т. п.). Часть марпандинов, вероятно, была зависима от Гераклеи, но вся картина племенного быта, нарисованная в «Анабасисе», очень далека от параллелей с положением плотов в Спарте, которые должны были обрабатывать клеры спартиатов и были ли-

³ Влияние этой теории было таково, что Страбон, сказав о порабощении марпандинов силой, в конце абзаца о них неожиданно добавляет фразу, явно взятую из какого-то другого источника: «Таковы были условия договора» (XII, 3, 4).

III ены какой бы то ни было организации⁴. Племена, даже находившиеся вблизи греческих городов, жили деревнями, вели свое хозяйство (см. описание пребывания греческого отряда в Трапезунте: греческие воины жили не в самом городе, а в деревнях колдов — IV, 8, 22). Если бы марпандины представляли собой исключение, вряд ли Ксенофонт не отметил бы этого.

О зависимом населении на территории Гераклеи у нас есть еще одно свидетельство (правда, там это население не названо марпандинами). Аристотель в «Политике» пишет о том, что совсем необязательно матросы должны обладать гражданскими правами. И приводит в пример Гераклею, где во флоте служит большое количество перпексов и «обрабатывающих землю» (τῶν τῆν χώραν γεωργοῦντων — VII, 5, 7—1327a — b).

На основании этого замечания Аристотеля можно думать, что на территории Гераклеи существовало негражданское сельское население. Терминология, употребленная Аристотелем, говорит о том, что в его глазах это не были рабы⁵ — он подчеркивает только отсутствие гражданских прав у этих групп населения.

Теория договора, в результате которой марпандины оказались в положении государственных рабов, отсутствует и в некоторых поздних источниках. Павсаний рассказывает, что изображения нескольких подвигов Геракла были доставлены «в Олимпию гераклеотами, которые сделали набег на землю соседних с ними варваров марпандинов» (V, 26, 6). Представление Павсания о марпандинах, как о соседях Гераклеи, по-видимому, и отражает тот факт, что марпандины жили на обособленной от остальных владений Гераклеи территории.

Еще меньше в доэллинистических источниках упоминаний о зависимых делегах и вифинцах. Ксенофонт описывает поселения вифинцев (или азиатских фракцийцев, как он их еще называет). Это — воинственные племена, у них многолюдные деревни и развитое сельское хозяйство (зерновые культуры, овощи, кукуруза — VI, 4, 6). Как-то намеки на контроль Византии над областью вифинцев в «Анабасисе» есть — туда, в частности, прибывают из Византии его наместники с триерами (VI, 6, 5), но все это очень мало напоминает господство спартиатов над илотами, во всяком случае, наше традиционное представление об этом господстве. В эллинистический период зависимость части Вифинии от Византии засвидетельствована Полибием. Он приводит текст договора между Византией и царем Персией. Там сказано: «Возвращает же Персия византийцам и земли, и крепости, и „людей“ (τοὺς λαοὺς) и военнопленных без выкупа» (IV, 52, 7). Хотя сам по себе термин λαοὶ достаточно широк, показательно, что в официальном языке к зависимым от Византии вифинцам не применялось выражение δοῦλοι.

Что касается делегов, то вся совокупность данных (и отсутствие упоминаний о делегах в эллинистических надписях из Карии, и запустение поселений, которые археологи связывают с делегами) скорее свидетельствует об ассимиляции делегов с карийцами в период эллинизма. Страбон уже прямо пишет, что делеги «исчезли совершенно» он добавляет, что «во всей Карии и Милете показывают могилы делегов, их укрепления и следы поселений» (XIII, 1, 59). У Страбона отсутствует версия о зависимом положении делегов. Бин и Кук, копавшие Галикарнаасский полуостров⁶, локализируют целый ряд поселений делегов, существовавших до проведенного Мавсолом синойклизма с Галикарнассом. Обычно это — укрепленные поселения на вершинах; внизу расположены земли (сравнительно незначительные) под пашнями и пастбищами. В V в. до н. э. часть территории около делегских поселений, вероятно, принадлежала Галикарнассу: в надписи V в. упоминаются галикарнассцы, владевшие недвижимостью в Термере (Syll.³, 46, 170). Но большинство поселений было автономными; все поселе-

⁴ Подробное описание племенного быта по данным «Анабасиса» см. в книге: М. И. Максимова, Античные города юго-восточного Причерноморья, М. — Л., 1956, стр. 118 слл.

⁵ Интересно, что Аристотель употребляет выражение, которое в период эллинизма появляется в официальных документах, в частности в договоре Милета с Гераклеей на Латмосе II в. до н. э. (Syll.³, 633). Там, между прочим, оговаривается право γεωργοῦντας перегонять скот через территорию союзного города наравне с гражданами.

⁶ G. E. Blean and J. M. Cook, The Halicarnassus Peninsula, BSA, 50, 1955, стр. 116 слл.

ния жили своей хозяйственной жизнью, жители их занимались и земледелием, и скотоводством. Более крупные города входили в V в. в Первый Афинский морской союз. Такой лелегский город мог, по мнению Бина и Кука (стр. 153), включать в свою территорию одну или несколько деревень. В период правления Гекатомнидов этот район находился под их властью. Когда Мавсол перенес свою столицу из Миласы в Галикарнасс, он переселил туда население шести из восьми лелегских городов (по сообщению Страбона). Бин и Кук предполагают, что переселение было насильственным и лелеги оказывали сопротивление. В лелегских городах были выстроены сторожевые башни; цитадель Термеры, по мнению археологов, использовалась как тюрьма. Возможно, часть недовольных лелегов не только была заключена в тюрьму, но и обращена в рабство, что и дало основание Филиппу из Феангелы (Кария) назвать лелегов ойкетами (Athen., VI, 271b). После синонхизма территория лелегских городов была включена в округ Галикарнасса и основанных заново Мавсолом Минда и Феангелы (Beaυ, Cook, ук. соч., стр. 168). Здесь можно проследить следы более позднего обитания, но, по-видимому, основная масса населения была переселена в Галикарнасс.

Все эти археологические и исторические данные не подтверждают версии о том, что зависимость лелегов напоминала отношения с илотами и пенестами. Интересное, хотя и единственное в своем роде свидетельство о подчинении лелегов греческому городу Траллам содержится у Плутарха (Moral. 302 — Quest. graec. 46). Он пишет, что в древние времена лелеги и минии (одно из древнейших племен Беотии — Strabo, IX 2, 40; жили также в Пелопоннесе — там же, VIII, 3, 3) изгнали жителей Тралл из города. Затем траллианцы вернулись и одержали верх. Некоторые из лелегов и миниев погибли и бежали, другие остались из-за беспомощности (*ἀνυχεῖαν βίον*) и слабости. В отношении них был принят закон, согласно которому, траллианец считается очищенным от убийства лелега или миния, если он отмерит родственникам (*τοῖς οἰκείοις*) убитого медими гороха (*ὀρέβων*).⁷ Терминология этого отрывка — слабость, беспомощность — напоминает аналогичные поздние свидетельства о возникновении зависимости одних племен от других. Но выкуп натурой, который идет сородичам, указывает на древность традиции, переданной Плутархом. Характерно, что, согласно этой традиции, лелеги, оказавшиеся в подчинении у Тралл, сохраняли свои родовые связи и, вероятно, свое родовое хозяйство, а не становились ойкетами жителей Тралл. Основная часть сельских территорий, населенных лелегами, оказалась подчиненной карийским городам в период правления Гекатомнидов.

Хотя большинство доэллинистических материалов не позволяет проводить аналогии в положении зависимого населения с илотией, в существовании на территории ряда городов Малой Азии подчиненных племен сомневаться, однако, не приходится. На землях Кизика жили племена долионов и мигдонов (Strabo, XII, 8, 10). На территории Милета в архаическую эпоху также жило сельское население — гергиты. Гераклд Понтийский сообщает о восстании этих людей против богатых милетян и об уничтожении их победившими богачами (Athen., XII, 523—524). Происхождение и положение гергитов неясно: Гераклд называет их демонтами и противопоставляет «имеющим имущество» (*στασιαζόντων ἄς τῶν τὰς οὐσίας ἔχόντων καὶ τῶν δημότων, οἳ ἔχουσιν ἑργίτας ἐχάλου*). В то же время название «гергиты» указывает, что это какая-то этническая группа. А. Ломонье считает их потомками лелегов и связывает слово «гергиты» с городом Гергиппы в Троянской земле, упоминаемым Геродотом (V, 122)⁸. В классический период категории гергитов, по-видимому, уже не существовало; однако на землях Милета было значительное количество карийских поселений, засвидетельствованных археологически⁹. Эти карийские поселения, по мнению Кука, составляли обособленный район. Хора милетян, согласно Геродоту (VI, 20), делилась на землю, прилегающую к городу, долину и горную область: после разгрома Милета персы взяли себе пригород и долину, а горные области передали карийцам из Педасы (эту Педасу Милету удалось

⁷ A. L a u m o n i e r, Les cultes indigènes en Carie, P., 1958, стр. 538.

⁸ Там же, стр. 541; J. M. C o o k, Some Sites on the Milesian Territory, BSA, 56, 1961, стр. 90 слл.

инкорпорировать только в эллинистический период). В другом месте Геродот отделяет хору милетян от долины Меандра, он говорит, что милетяне потерпели поражение в Лименн на их хоре и в долине (I, 18). Кук, раскапывавший окрестности Милета, полагает, что прилегающая к городу территория — собственно хора с гражданским поселением, а долина и нагорье были владениями Милета, где жили карийцы⁹.

По-видимому, деревни колхов, в которых находилось греческое войско в течение месяца, были расположены на территории Трапезунтского полиса: Ксенофонт пишет, что они прибыли в Трапезунт и там (ἐν ταῖς) пробыли около 30 дней в деревнях колхов (IV, 8, 22). Наиболее достоверные сведения о взаимоотношениях таких племен, живших в округе города, с полисом содержатся в двух надписях IV в. до н. э. из Приены и Зелен. По декрету Приены в честь эфеса Мегабиза последний получает право владеть землей на территории Приены, но только не землей, которая находится во владении педиеев — τῶν δὲ κ[α]τ[η]μέτων ὧν [οἱ Πε]διεῖς κέκτηνται μὴ εἶναι αὐτῷ κ[α]τ[η]μέταται (Syll.³, 282, II 13-14). В надписи Зелен речь идет о расследовании относительно законности владения общественными землями, за исключением тех, за которые платят подать пмеющие их фригийцы (ὅσα μὴ οἱ Φρύγες ἔχοντες φόρον ἐτέλεον — Syll.³, 279 4-5). Обе эти надписи показывают, что земли, населенные подчиненным городу племенами, хотя и входили в τῇ δημόσια и находились под контролем полиса, не могли переходить во владение отдельных граждан. Можно думать, что и местные племена соответственно не могли отчуждать свою землю, во всяком случае за пределы своего коллектива.

О землях племен, живших в окрестностях Приены (возможно, и о землях педиеев) говорится и в письме Александра Приене ... καὶ Μυρ[ισ]νοῦστ[αν] καὶ Π[— — —] χώραν [γ]ινώσκω ἐμὴν εἶναι τοὺς δὲ κατὰ κοῦντας ἐν ταῖς χώραις ταύταις φέρειν τοὺς φόρους¹⁰. Если бы на этих территориях были владения приенцев, вряд ли Александр отобрал бы их у города: письмо его должно было свидетельствовать о милости Приене, приенцы получают автономию, освобождаются от палогов. Земли, присвоенные Александром, обрабатывались местным населением, жившим в деревнях.

Зависимость племен от городов (во всяком случае, так было в IV в. до н. э.) выражалась в уплате φόρος (по терминологии зелейской надписи). В «Апабасисе Александра» Арриана рассказывается, что Александр в Лидии поручил своему наместнику Никию ведать сбором двух видов подати — σύνταξις и ἀποφορά (вероятно, эти подати платили и раньше, Арриан говорит не об их введении, а только о сборе — I, 17, 7). Термин σύνταξις употреблен в уже упомянутом письме Александра Приене: город освобождается от уплаты σύνταξις. Этим термином обозначался налог, уплачиваемый городами; апофора, по-видимому, — подать с местного сельского населения.

Размеры подати неизвестны. Возможно, практика взимания десятины в качестве поземельного налога, существовавшая в персидских сатрапиях¹¹, была воспринята и малоазийскими городами. Десятина упоминается в двух фрагментарных ликийских надписях: в надписи Исинды (середина IV в. до н. э.), касающейся организации каких-то празднеств (κατ' ἐν[αὐτόν] εὐ δεκάτη[ς])¹², и в совместной надписи нескольких ликийских городов и правителя Карии Пиксодача (340—334), во владения которого со времени Мавсола входила часть Ликии. В начале надписи (там же, № 45) упомянута десятина (ἐδωκεν ... [δ]εκάτην) с чего-то, находя-

⁹ Разделение земли Милета на хору и перею существовало и в эллинистический период (см. договор Милета с Гераклеей — Syll.³, 633).

¹⁰ «Die Inschriften von Priene», ed. F. Hiller von Gaertringen, B., 1906, № 1.

¹¹ См. описание хозяйства сатрапий, которое дает в «Экономике» Псевдо-Аристотель (эта работа разобрана М. И. Ростовцевым — «The Social and Economic History of the Hellenistic World», Oxf., 1959, стр. 471 сл.). Доходы сатрапий складывались из поступлений с земли (так называемый 'εχφόριον или δεκάτη), затем от налогов на частные земельные владения, от пошлин на торговлю и использование дорог, от налогов на скот ('επιχαρτία, δεκάτη) и других.

¹² «Tituli Asiae Minoris», ed. E. Kalinka, т. I, Vindobonae, 1901, № 65.

щегося в городе или городах ([τ]ῆ[ς] ἐ[μ] π[ο].....)). Возможно, речь идет о передаче десятины на особые нужды (издатели полагают, что Пиксодар находился в союзе с ликийскими городами против непокорного Ксанфа). Мавсол взимал с подчиненных поселений сельскохозяйственный налог, размеры которого неизвестны: до нас дошла надпись небольшого городка (или общины) коарендейцев, расположенного на территории будущей Стратоникей, об освобождении от этого налога. Надпись гласит: «В первый год царствования Филиппа (имеется в виду Филипп Арридей. — И. С.) при сатрапе Асандре постановили коарендейцы: ателлю, которую дал Мавсол, сын Гекатомна, и коарендейцы (имя не сохранилось) сыну Ортеюма (демотикон не сохранился) и потомкам на все сельское хозяйство (τὸν γεωργίῳ πᾶν) и остальное все, имеющееся у него, записать в святилище в Лагнпе» (Syll.³, 311). Коарендейцы представляли собой, видимо, обычное для Карии объединение вокруг святилища с элементами самоуправления. Они подтвердили за одним из своих граждан освобождение от налогов, которое даровал ему еще Мавсол. Вероятно, в период, когда было принято постановление, налоги или уже в пользу самой общины.

Уплата натуральной подати как основное следствие зависимости племен от полиса, вероятно, отразилась в названии *δωροφόροι*, которое Эвфорион и Каллистрат применяли к марпандинам (Athen., VI, 263d—e).

Подчинение одним племен другим, выражающееся во взимании дани, было одной из наиболее древних форм эксплуатации, когда в качестве военнопленных выступает племя в целом. В условиях низкой производительности труда только такая эксплуатация, когда покоренное племя оставалось на своей земле в привычных условиях труда, давала возможность победителям получать прибавочный продукт. Взимание подати без экспроприации земли у зависимого населения существовало не только в Малой Азии и не только в отношениях между греками и варварами. Фукидид рассказывает о тех взаимоотношениях между элейцами и лепрейцами, которые существовали вплоть до Пелопоннесской войны (V, 31, 2—3). Согласно этому рассказу, часть земли лепрейцев была уступлена Элее в качестве вознаграждения за военную помощь. Элейцы оставили эту землю жителям Лепрея, но обязали последних уплачивать ежегодно по одному таланту Зевсу Олимпийскому.

Для того чтобы экспроприровать покоренное население, превратить его в рабов-плотов и удерживать в повиновении, нужны были особые средства принуждения. По существу только спартанцы сумели это сделать, превратив свою страну в военный лагерь и поставив под свой контроль многие окружающие области Пелопоннеса.

Разумеется, со времени греческой колонизации Малой Азии и до IV в. до н. э. формы зависимости менялись. Часть местного населения переселялась в города: это, в частности, должно было происходить в Гераклею в связи с использованием сельского населения во флоте. Римский географ Помпоний Мела уже прямо пишет, что в Гераклею живут марпандины¹³. Часть сельских жителей могла стать рабами граждан. Правда, в этой связи нужно вспомнить факт, отмеченный М. П. Ростовцевым для Родоса, — большинство рабов, чьи этники известны по надгробиям, происходили не из родосской Перии, а из областей, находящихся вне его материковых владений (Лидии, Фригии, Киликии, Каппадокии, Галатии)¹⁴. Вероятно, граждане полисов предпочитали в интересах безопасности не поработать население, жившее на территории их государства.

Сохранение вплоть до греко-македонского завоевания известной обособленности местного сельского населения объясняется тем, что при отсутствии сильной централизованной власти города не могли ни полностью лишить земли, ни поработить подчиненные им племена. Взаимоотношения греческих полисов Малой Азии с племенами в V—IV вв. были очень сложными¹⁵. Наряду с дружественными племенами соседями

¹³ См. «Античная география», составитель М. С. Бондарский, М., 1953, стр. 196 (I, 19).

¹⁴ Rostovtzeff, ук. соч., стр. 691.

¹⁵ Максимова, ук. соч., стр. 138.

греков часто были враждебные племена, с которыми городам приходилось вести постоянную борьбу. Даже беглое знакомство с источниками дает нам яркие примеры такой борьбы: так, Ксенофонт рассказывает, что пафлагонский вождь Корила стремился захватить владения Синопы (Anab. V, 5, 23); он же говорит о вражде Трапезунта с дрп-лами (там же, V, 2, 2). Арриан сообщает, что Александр во время похода в Малую Азию помог городу Фаселите уничтожить мощное укрепление, воздвигнутое на земле города псидами, откуда псиды делали набеги и напосилил урон жителям города, работавшим в поле (I, 24, 6). То же племя псидов враждовало и с Тельмпссом (там же, I, 28). Недоразумения с соседями могли поднимать на борьбу и зависимые племена — в нескольких приенских надписях второй половины IV в. до н. э. говорится о борьбе педиеев: они нападали на земли приенцев (это, между прочим, еще раз указывает на то, что земли граждан были отграничены от земель педиеев), грабили и убивали приенцев. Для подавления восстания Приене пришлось прибегнуть к помощи Лисимаха¹⁶. Борьба с племенами (и автономными, и зависимыми) в V—IV вв. до н. э. осложнялась враждой городов друг с другом, с персидской знатю. Так, Ксенофонт говорит, что, когда греки прибыли в Пергам, правительница этого города подбила греческое войско выступить против перса Асидата, жившего на равнине (Anab. VII, 8, 7—9). А во время восстания педиеев с ними в союз вступила Магнесия на Меандре. Недаром появление греко-македонского войска было воспринято многими греческими городами как спасение от враждебных племен.

Таким образом, в силу конкретных исторических условий, в обстановке постоянной междоусобной борьбы даже тем племенам, которые признали зависимость от городов, удалось сохранить известную самостоятельность и определенную земельную территорию. Формы зависимости племен от греческих полисов принципиально не отличались от зависимости одного города от другого: колонии Синопы — Трапезунт, Кера-суния и Котиора, — «эллинские города», по определению Ксенофонта, также выплачивали Синопе подать (Anab. V, 5, 10). Поэтому нам кажется невозможным проводить аналогию между малоазийскими зависимыми племенами и илотами или называть их зависимость «коллективным рабством». Вследствие особенностей исторического развития и прежде всего вследствие борьбы местных племен там в какой-то степени были сохранены древние формы господства и подчинения, и только после образования на территории Малой Азии сильных эллинистических монархий процесс порабощения местного сельского населения пошел более интенсивно.

И. С. Свентицкая

THE CONDITION OF THE DEPENDENT POPULATION IN ASIA MINOR, 5th — 4th CENTURIES B. C.

I. S. Svetsitskaya

The ancient literary sources provide evidence of the existence in pre-Hellenic Asia Minor of a rural population held in subjection by cities. Posidonius, Euphorion, Callistratus, Phylarchus, Philippus (cited by Athenaeus) and Strabo speak of the Mariandyni as dependent upon Heracleia, of the Bithynians subject to Byzantium, of the Leleges subject to the Carians. Their dependence is compared with helotry. A comparison of the data provided by these authors with descriptions of dependent populations in other areas (in Boeotia, in Sparta) suggests that in most of these passages we have to do, not with a factual description of the subject condition of these tribes, but with a general theory of the contractual relationship that arises between conqueror and conquered (or between the strong and the weak). The description of Asia Minor tribes in Xenophon's Anabasis, Aristotle's reference to the employment in the fleet of Heracleia of non-citizens who also worked the land, archaeological materials (in particular, excavations by Bean

¹⁶ C. B. Welles, *Royal Correspondence in the Hellenistic Period. A Study in Greek Epigraphy*, New Haven — London — Prague, 1934, Texts, № 8.

and Cook in the Halicarnassus region), inscriptions from Priene and Zeleia (mentioning the πεδαιῆς and the Phrygians) permit the conclusion that forms of dependence in Asia Minor did not resemble the Spartan helotry. Tribes held in subjection by a city lived in villages on territory reserved for them, their land could not be taken over by citizens. Their dependent relationship to the city was expressed by the payment of tribute. Constant strife with each other and with neighbouring independent tribes put a heavy drain on the cities' resources and kept them too weak to complete the subjection of the tribes dependent on them.

РОЛЬ СЦИПИОНА МЛАДШЕГО В РАЗВЯЗЫВАНИИ ЮГУРТИНСКОЙ ВОЙНЫ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ ЕГО КРУЖКА

Трудно переоценить значение Югуртинской войны в истории Римской республики. С ней была связана военная реформа Мария, заложившая основу профессиональной армии и создавшая в ее лице базу будущего императорского режима. Событиями этой войны началось шестилетнее «антиконституционное» консульство Мария, которое с известным основанием можно считать началом военной диктатуры в Риме. Однако вопрос о причинах Югуртинской войны по сей день нельзя считать окончательно выясненным¹.

Одной из причин этой войны было недовольство народных масс Нумидии проримской политикой нумидийских царей. Это недовольство повлекло за собой усиление активности оппозиционных элементов и гражданскую войну. Гражданская война, в свою очередь, вызвала римскую интервенцию в Нумидию². Но длительная борьба Нумидийского царства с могущественной римской державой была бы невозможна, если бы в самом римском обществе глава нумидийской оппозиции, царевич Югурта, с самого начала не нашел поддержки и одобрения своей антиримской политике.

Дружеские связи закланного врага Рима Югурты со многими видными римскими политическими деятелями давно обратили на себя внимание историков. Однако эти тесные связи объясняли либо продажностью римлян³, либо личными отношениями Югурты с видными представителями римской знати⁴.

Обратимся к моменту, когда эти связи возникли.

По свидетельству Саллюстия (Jug. 6, 3; 7, 1), уже в 134 г. до н. э. зависевшее от Рима Нумидийское царство стояло перед перспективой гражданской войны. Главой недовольных существовавшим порядком был лишенный прав на престол родственник царского дома Югурта. Дядя Югурты, нумидийский царь Миципса, стремясь избавиться от опасного вожака оппозиции, отправил его с контингентом войск в Испанию на помощь римлянам, осаждавшим Нуманцию. Саллюстий прямо пишет (Jug. 7, 2), что, отправляя Югурту к римлянам, Миципса определенно рассчитывал на его гибель. В самом деле, Югурта был главой патристической, антиримской партии⁵, а во главе римской армии под Нуманцией стоял Сципий Эмилиан, который лучше чем кто-либо в Риме был знаком с положением дел в Нумидийском царстве⁶. Поэтому Миципса мог

¹ M. Holroyd, The Jugurthine War: Was Marius or Metellus the Real Victor? JRS, XVIII, 1928, стр. 2.

² Б. П. Селецкий, Социально-политическая борьба в Нумидии накануне Югуртинской войны, ВДИ, 1964, № 2, стр. 149—155.

³ Например, Т. Момзен, История Рима, т. II, М., 1937, стр. 138—140.

⁴ W. Allen, The Sources Jugurtha's Influence in the Roman Senat, «Classical Philology», XXXIII, 1938, стр. 91.

⁵ Селецкий, ук. соч., стр. 151 сл.

⁶ Liv., Epit. 50; Polyb., XXXVII, 3, 10; Cic., De off., I, 11, 35. Именно Сципий Эмилиан сумел примирить между собой наследников царя Массинисы и раз-